

Дорогие друзья, готовясь к ежегодным упражнениям Братства, мы задали себе вопрос: «Что вырывает нас из небытия?» Непредвиденные обстоятельства, внушительные и драматичные, вынудили нас отказаться от нашей встречи, которую все обычно с нетерпением ждут. Вопрос, однако, не исчез, а скорее, обострился в силу природы вызова, вставшего перед всем миром. Именно сложившаяся ситуация сделала еще более насущной потребность сообразовываться с этим вопросом и искать подобающий ответ на него. Вот почему нам показалось необходимым продолжать помогать друг другу в настоящее головокружительное время, когда небытие грозно нависло над жизнью каждого человека. Мы хотим принять брошенный всем нам вызов, не пытаясь укрыться. Это позволит нам проверить, действительно ли новое мышление и новая привязанность, присущие «новой твари», порожденной в Крещении, становятся нашим «повседневным сознанием, определяющим подход ко всем обстоятельствам реальности» (Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. Прочертить след в истории мира. М., 2019. С. 91). Отец Джуссани дает нам важную, с методологической точки зрения, подсказку: «Чтобы менталитет был поистине новым, человек, сознавая свою „принадлежность“, должен постоянно соотносить его с происходящими событиями». Такое усердное соотнесение с происходящими событиями – метод, указанный нам для того, чтобы менталитет стал действительно новым. И правда, «новое мышление, если не входит в опыт настоящего, не существует, является абстрактным. В этом смысле не выносить суждение о событиях – значит умерщвлять веру» (Ср. Там же. С. 92). Нам обещано, что такое соотнесение позволяет расцвести в нас «новой твари», рождающейся в Крещении и пробуждающейся во встрече с живой христианской общиной, и это обещание делает увлекательным наш совместный путь. Текст, который я готовлю и над которым мы будем работать в ближайшие месяцы, задуман как помощь всем нам. Ниже вы найдете введение к нему.

Хулиан Каррон
Май 2020 г.

ЧТО ВЫРЫВАЕТ НАС ИЗ НЕБЫТИЯ?

Хулиан Каррон

ВВЕДЕНИЕ

«Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?»¹

Какой силой обладают эти слова псалма сегодня, когда нам по причине вируса, загнавшего в угол весь мир, стало еще яснее, насколько мы ничтожны, хрупки и бессильны! Сознание, проявившееся в нас благодаря эпидемией COVID-19, пробуждает еще большее изумление перед присутствием Того, Кто заботится о нас, для Кого мы дороже всей вселенной: «Любовью вечной Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством»². И происходит это в тот момент, когда другие отдаляются от нас, чтобы не заразиться.

Как может не волновать нас в начале нового дня такое оказанное нам предпочтение, тем более в настоящее время? Какова его природа? Благодать, сделавшая нас причастными вести: мы не оставлены один на один с нашим ничтожеством, Он есть, Христос есть. И действительно, именно Его присутствие, продолжающееся в истории, – самый ценный дар, какой нам доводилось получать. И потому каждое утро, просыпаясь, мы просим: «*Veni Sancte Spiritus. Veni per Mariam*», – чтобы Его предпочтение еще сильнее отзывалось в нас и мы могли еще больше наслаждаться этим даром, без которого нам не удастся даже смотреть на наше экзистенциальное положение.

Что вырывает нас из небытия? Этот вопрос должен был стать темой наших ежегодных духовных упражнений, самого важного момента в жизни Братства. И хотя в силу чрезвычайной санитарной ситуации мы вынуждены были отказаться от них, вопрос никуда не делся и, кроме того, именно в свете недавних событий приобрел еще больший, особенный вес. Мы отправили его заранее всем тем, кто собирался участвовать в упражнениях, чтобы помочь нам быть внимательнее к собственному опыту и обдумать наш собственный личный вклад в содержание упражнений, и он дал сильный импульс и пробудил огромную благодарность. Это в очередной раз подтверждает, как и в прошлом году³: когда что-то захватывает нашу человечность со всеми ее ранами, мы тут же замечаем и реагируем.

Что вырывает нас из небытия? Вы уловили неотрывную связь вопроса с жизненным опытом, и сразу ощутили благодарность. Он также был воспринят как дружеский жест, проливающий свет и на смысл слова «дружба»: мы друзья, чтобы помогать друг другу не бояться вопросов, даже тех, которые нас обязывают и тревожат, ранят и сотрясают. Можно быть вместе, но не быть друзьями, если тем или иным образом мы оставляем вопросы в стороне. Получив вопрос, заданный к упражнениям, один из вас написал мне и начал свое письмо так: «Прости, что не обращаюсь к тебе на „вы“. Я хочу написать тебе как другу, другу, к которому иду за помощью, другу, у которого прошу невозможного. А с друзьями я на „ты“». Быть друзьями – значит вместе, такими, какие мы есть, со всей нашей человечностью, смотреть в лицо вопросу: «Что вырывает нас из небытия?»

1. О каком небытии мы говорим?

Если мы говорим о небытии, так потому, что существование современного человека – наше существование на личном и общественном уровне – все более ясным и масштабным образом, без особой шумихи и лозунгов, но притом и не без видимых последствий, отмечено

¹ Пс. 8:5.

² Ср. Иер. 31:3.

³ Имеются в виду духовные упражнения Братства «Общения и освобождения» на тему «Что выстоит под ударами времени», прошедшие в Римини с 12 по 15 апреля 2019 г.

нигилизмом. Речь не о каком-то культурном течении, а об экзистенциальной ситуации. И именно эту ситуацию мы хотим рассмотреть хотя бы в основных чертах: не из любви к анализу или описаниям, а из пламенного желания открыть для себя путь, позволяющий каждому из нас идти к собственному свершению через данные нам обстоятельства, какими бы они ни были.

Что характерно для нигилизма, который более или менее явно, при большей или меньшей нашей сознательности просочился в наш образ мыслей и жизни? С одной стороны, сомнение относительно конечного содержания реальности: все вырождается в ничто, в том числе и мы. «От головокружительного ощущения эфемерной видимости вещей возникает – как слабость и лживое отрицание – искушение думать, будто вещи есть иллюзия и ничто»⁴. С другой (но оба аспекта связаны) – сомнение относительно положительности жизни, возможного смысла и пользы нашего существования, что обычно выливается в ощущение пустоты, угрожающей всему, что мы делаем, и вызывающей острое отчаяние, в том числе и в людях, чья жизнь переполнена делами и успехами, чей график забит встречами и проектами на будущее.

Известный фильм «Бесконечная история», снятый в восьмидесятые годы, намекает на эту ситуацию убедительным и наводящим на размышления образом. Я имею в виду диалог между Гморком, «служителем Власти, скрывающейся за Ничто», и Атрейю, юным героем, призванным остановить Ничто. «Люди отказались надеяться, они разучились мечтать. Так распространилось Ничто», – говорит первый. «Что такое это Ничто?!» – спросил его второй. «Пустота, окружающая нас. Отчаяние, разрушающее мир, а я ему помогаю... Ведь людьми, которые ни во что не верят, легче управлять. Это самый верный способ заполучить власть»⁵. Волнующие метафоры отчасти описывают позицию, которую сегодня мы обозначаем словом «нигилизм». Все мы можем признать «распространяющееся по жизни ничто», «разрушительное отчаяние», «пустоту», которая окружает нас и превращается в общественное явление.

Пожалуй, тот факт, что из-за коронавируса мы вынуждены были остановиться, заставил нас, как уже давно не случалось, размышлять над тем, кто мы и чем живем, как осознаём самих себя и вещи. Толстой говорит: «Людям нашего... [времени] стоит только на минуту остановиться в своей деятельности, обдумать свое положение, примерить требование своего разума и своего сердца к окружающим их условиям жизни, чтобы увидеть, что вся жизнь их, все поступки их есть постоянное вопиющее противоречие с их совестью, разумом и сердцем»⁶.

Вот что поняла о себе одна старшеклассница, когда остановилась и задумалась: «В первую неделю карантина я, как, наверное, многие другие, пережила моменты тяжелого уныния. Идея сидеть взаперти дома, не видеть друзей, не встречаться с моим парнем, не иметь возможности свободно выходить на улицу, нагоняла на меня ужас. Потом, однако, я созвонилась с некоторыми людьми, и они здорово ободрили меня. Особенно один друг, который, услышав от меня: „Я в порядке, но не слишком“, – решил копнуть глубже. Разговаривая с ним, я вдруг осознала, что уже давно не задавала себе вопросы, пускала все на самотек, отчасти из страха, отчасти из нежелания получить неудобные ответы. Мне стало ясно, как глупо не задавать вопросы, если в результате я не счастлива. Так я стала спрашивать себя, что меня по-настоящему пугает, и поняла: больше всего меня тревожит молчание, поскольку оно заставляет думать, ставит лицом к лицу с моими вопросами. А первая причина, по которой я боюсь задаваться вопросами, – страх, что у меня нет ответов. Поэтому-то я, как могу, избегаю молчания, настаивающего на меня, когда я ложусь спать. Чтобы оно не раздавило меня, я занимаю голову всевозможными мыслями, и так мне не приходится иметь дело с самой собой, пока не засну. Меня беспокоят возможные ответы на определенные вопросы, я боюсь,

⁴ L. Giussani. *L'uomo e il suo destino*. Genova: Marietti 1820, 1999. P. 13.

⁵ *Бесконечная история (Die unendliche Geschichte)*. RFT, 1984). Автор сценария и режиссер Вольфганг Петерсен.

⁶ Л. Н. Толстой. *Неделание // Полное собрание сочинений*: в 90 т. Т. 29. М.: Художественная литература, 1954. С. 198.

что они заставят меня считаться с теми уголками во мне, которые я не желаю знать, или направят на трудный путь. Как сказал мой друг, я предпочитаю жить в пузыре из улыбок, смешков, моментов уныния и печали, предельно обезжизненных и потускневших. Моя жизнь – карусель эмоций: сегодня она высоко поднимает меня, а завтра сбрасывает в самое мрачное отчаяние. Я ликую, пока испытываю эмоцию, чтобы потом сложить все в ящик „прекрасного опыта“. Но понимаю, что этого мало, мне хочется гораздо большего, чего-то, что должно непременно быть великим, поскольку, как говорит Кьеркегор, „ничто конечное, ни даже целый мир, не в состоянии удовлетворить человеческий дух, испытывающий нужду в вечности“».

Какое-то время назад в журнале «Трассе» была опубликована статья, где нигилизм, о котором мы говорим, описывался как «скрытый враг, коего трудно ухватить и распознать, поскольку его черты не всегда четко различимы... куда чаще они принимают неосвязаемую форму необратимой пустоты»⁷. Неосвязаемую и одновременно очень конкретную. Один мой друг-студент сказал: «Ничто намного тоньше и скользче, чем я представлял, мелкое повседневное ничто, так часто грозящее захватить власть в моей повседневной жизни».

Чтобы максимально выявить проблему, которую кто-то даже не видит или всеми силами пытается не видеть, скажем так: сомнение в конечном содержании реальности и неверие в возможный смысл и совершение существования переплетаются и подпитывают друг друга в нигилизме, затрагивающем всех нас.

Одним словом, нынешнюю форму нигилизма можно описать как чувство пустоты снаружи (контекст нашей жизни порой превращается в «пузырь из улыбок, смешков, моментов уныния и печали, предельно обезжизненных и потускневших») и внутри нас (я понимаю, что мне этого мало, мне хочется гораздо большего»), и оно ведет к ослаблению отношений с реальностью, с обстоятельствами, которые в конечном итоге выглядят безумными, не заслуживающими нашего согласия. «Я» как будто охвачено вялостью, тормозящей взаимодействие с происходящим, даже когда мы втянуты в круговорот необузданной деятельности, той самой, что внезапно оказалась временно прервана коронавирусом. В результате мы все в большей или меньшей степени «вынуждены» были задуматься, куда идем, чего хотим от жизни, что действительно может поддерживать ее.

Льюис добавляет к этой картине еще один штрих. «Христиане, – утверждает Баламут в одном из своих знаменитых писем Гнусуку, – говорят, что Враг [то есть Христос] – это Тот, без Кого Ничто не обладает силой. Нет, Ничто очень сильно, достаточно сильно, чтобы украсть лучшие годы человека, отдать их не улаждающим грехам, а унылому *блужданию ума* неизвестно где и зачем. Ничто отдает эти годы на утоление любопытства, столь слабого, что человек сам его едва осознает»⁸.

Вялость, блуждание ума и, как замечает Оруэлл в своем пророческом романе «1984», *апатия*: «Ему пришло в голову, что самое характерное в нынешней жизни – не жестокость ее и не шаткость, а просто убожество [пустота], тусклость, апатия»⁹. Такие «тусклость и апатия» разъедают самые глубины «я» и роют широкий ров между нами и происходящим. «Не было ничего, что бы мог я тогда уважать в моем окружающем и к чему бы потянуло меня», – пишет Достоевский¹⁰.

Ничто, кажется, не в силах по-настоящему занять «я». У нас есть отношения, мы совершаем дела, и все же они наводят на нас скуку, даже те из них, которые когда-то нас воодушевляли.

⁷ C. Esposito. *Il nichilismo della porta accanto*. / A cura di Davide Perillo // *Tracce – Litterae communionis*. Novembre. 2019. P. 12–18.

⁸ Ср. К. С. Льюис. *Письма Баламута*. Письмо двенадцатое. *Курсив наш*.

⁹ Дж. Оруэлл. *1984*. М.: АСТ, 2016. С. 75.

¹⁰ Ф. М. Достоевский. *Записки из подполья* // Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. Т. 5. СПб.: Наука, 2016. С. 142.

Вот лицо сегодняшнего нигилизма: астения, отсутствие устремленности, сил, утрата вкуса жизни. «Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрело, и все упрели! Все, все, все мы упрели!»¹¹

Именно поэтому папа Франциск утверждает, что сегодня «серьезная угроза... потеря смысла жизни»¹². То же трогательно выражает Чезаре Павезе в стихотворении, сочиненном, когда ему было семнадцать лет: «Бродить по улицам в одиночку, / постоянно терзаясь страхом / увидеть, как на моих глазах исчезнут / творенья, которыми я долго любовался; / чувствовать, как в душе слабеют / пыл, надежда... все... все / и остаться вот так, без любви... / обреченным каждый день на тоску»¹³.

Несколько месяцев назад одна студентка написала мне: «В последнее время, как никогда раньше, я осознала, что переживаю моменты пустоты, моменты, когда горизонт моей жизни определяется упадком желанья, и я пропадаю, живу наполовину. Ничто внутри меня говорит вкрадчивым голосом, подбивает не растрчивать себя: поберечь силы, поскольку стоит делать лишь то, что приходит в голову мне, даже не рассматривая другие предложения; поберечь себя в отношениях, поскольку не стоит делиться с другими людьми моими трудностями. Короче, оно склоняет меня обходиться минимумом, и от этого я становлюсь все более чертовой и недовольной. Сейчас, в последние дни ноября, я словно дышу могильным воздухом: перед многочисленными прекрасными обстоятельствами – от неожиданных отношений с первокурсниками до выпуска моих старших друзей – я часто замыкаюсь в собственных мыслях и проблемах. Я замечаю, что живу во власти ничто, дурного состояния, которое не могу объяснить».

О таком же опыте идет речь в отрывке и из другого письма, полученного мной недавно: «Сидя дома без работы [из-за изоляции в связи с чрезвычайным санитарным положением], я на собственной шкуре начал испытывать небытие, о котором говоришь ты. Если это время не наполнено чем-то долговечным, оно совершенно пусто, а я ничто».

Но и это не все. К приведенным характерным чертам добавляется еще и чувство неспособности изменить состояние, в которое мы впали («неосязаемую форму необратимой пустоты», как уже было сказано), вновь подняться, словно недостаточно усилий и даже побуждений со стороны, чтобы поднять нас на ноги, чтобы заставить нас изменить взгляд на самих себя и на вещи, увидеть глубину реальности и избавить нас от той пустоты, что мы ощущаем.

Это болезненный опыт, общий для многих наших современников. «По правде говоря, ничто не сможет избавить вас от тех все чаще повторяющихся минут, когда ваше абсолютное одиночество, ощущение вселенской пустоты и предчувствие в грядущем какой-то ужасной, разрушительной личной катастрофы сливаются воедино, причиняя вам жестокие страдания»¹⁴.

Нам нужно что-то способное пробудить все наше желание и вновь распахнуть нас перед вызовами реальности, обстоятельств, чтобы мы могли «всегда насыщенно жить реальностью»¹⁵. Одних только событий явно недостаточно. Мы как будто пытаемся подняться на склон и постоянно соскальзываем вниз, возвращаемся в отправную точку. Мы снова скатываемся в наше ничто, в небытие, и не понимаем, что может противостоять ему, из чего нам исходить. И потому испытываем серьезные затруднения с самими собой.

¹¹ Ф. М. Достоевский. *Идиот* // Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. Т. 8. СПб.: Наука, 2016. С. 349.

¹² Франциск. *Общая аудиенция*. 27 ноября 2019 г.

¹³ С. Pavese. A Mario Sturani. Monza-Torino. 13 gennaio 1926.

¹⁴ М. Уэльбек. *Расширение пространства борьбы*. М.: Иностранка, 2007. Гл. 3.

¹⁵ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 126.

Психоаналитик Умберто Галимбери, которого мы цитировали на Дне начала года¹⁶, обнаружил этот недуг в молодежи: «Молодым людям плохо, и они даже не понимают почему»¹⁷, – но он распространяется на всех.

«Фраза Галимберти, услышанная на Дне начала года, – пишет мне один молодой друг, – разодрала мое сердце, поскольку она с точностью описывает мою жизнь в этот период. Вот уже несколько месяцев я ощущаю своего рода неудовлетворенность и тоску во всем, чем занимаюсь. Я вижу неудовлетворенность повсюду, словно под маской улыбок и тысячи дел, которые нужно делать, царствует ничто, отсутствие подлинного смысла, отсутствие подлинной радости. Когда нет смысла, остается только долг, бесполезное раздутое чувство долга, еще больше тянущее меня ко дну. Вероятно, это и есть нигилизм, о котором ты часто говоришь. И это проблема, касающаяся моего существования. Действительно, жизнь сейчас как будто в меньшей степени жизнь. И вот первое подтверждение: все, что идет вразрез с моими планами, превращается в лавину, которая накрывает меня. Достаточно ерунды, самой малости, отличной от того, чего хочу я, и я падаю, сдаюсь, опускаю руки. Перед реальностью я как бы капитулирую и становлюсь печальным. Несмотря на маски, на попытки притвориться, будто все хорошо, заставить себя идти вперед, я замечаю, что, глядя на все события, которые со мной случаются, я в глубине души печален, но не понимаю почему. Еще несколько лет назад все было наоборот, трудности были трамплином, а не лавиной. Сейчас я стараюсь не смотреть на потребность моего сердца, делаю вид, что ее нет и что у меня все в порядке. Ничто меня не удивляет. Я нуждаюсь в чем-то великом, способном победить пустоту, в которую я свалился. Благодарю тебя за то, как ты поддерживаешь меня, бросая вызов твоими вопросами. Прошу твоей помощи, поскольку мне необходимо заново начать удивляться, мне нужно понимать, что случается со мной в течение дня. Я не могу и дальше оставаться в пустоте».

Он опускает руки, сосредотачивается на банальных вещах, ни на что не претендуя, чтобы хоть как-то заполнить время. «Ничто не выбирают, ему отдают»¹⁸, потому что, говорил Мальро, «нет идеала, которому мы могли бы принести себя в жертву», ради которого действительно стоит прилагать усилия, «ибо мы, кому неизвестно, что есть истина, знаем: все идеалы ложны»¹⁹.

Нынешний нигилизм уже не тот, что прежде, когда он героически нападал на ценности; сегодня нигилизм не амбициозен: у него наружность «нормальной» жизни, но с червоточиной внутри, поскольку ничто, кажется, не обладает ценностью, не притягивает, не захватывает настоящего. Мы сносим этот нигилизм пассивно, он проникает под кожу и утомляет желание, которое становится похоже на марафонца, изможденного через мгновение после старта. Аугусто Дель Ноче говорил о «беззаботном нигилизме, в котором нет беспокойности», который стремится утопить «Августиново *inquietum cor meum* [сердце, не знающее покоя]»²⁰ в легкомысленных наслаждениях.

2. Свобода перед вызовом

В этом контексте перед нашей свободой встает вызов. Спросим себя: можем ли мы ограничиться отрешенным созерцанием небытия, продвигающегося по нашей жизни, как

¹⁶ Имеется в виду День начала года для взрослых и студентов из «Общения и освобождения» на тему «Кто Сей?», прошедший в Милане 29 сентября 2019 г.

¹⁷ U. Galimberti. *A 18 anni via da casa: ci vuole un servizio civile di 12 mesi* / Intervista di S. Lorenzetto // *Corriere della Sera*. 15 settembre. 2019.

¹⁸ C. Fabro. *Libro dell'esistenza e della libertà vagabonda*. Casale Monferrato: (AL) Piemme, 2000. P. 28.

¹⁹ Ср. А. Мальро. *Искушение Запада // Зеркало лимба*. М.: Прогресс, 1989. С. 38.

²⁰ A. Del Noce. *Lettera a Rodolfo Quadrelli*. Inedito, 1984. «Сегодняшний нигилизм – нигилизм беззаботный, в нем нет беспокойности (пожалуй, для него характерно упразднение Августинова *inquietum cor meum*)».

пишет Уэльбек? «Расположившись на перекрестье пространства и времени, / наблюдаю холодным взглядом за продвижением ничто»²¹.

Мы можем, в частности, свободно решить не видеть и сбежать: «Хорошо, мы во власти небытия. Да какая разница!» – наивно думая, что проблема разрешится, если просто отвести взгляд в сторону. Такой вариант есть всегда. Эдгар Морен, один из самых выдающихся ныне живущих мыслителей, тонко подмечает: «Я понял, что источник ошибок и заблуждений – в утаивании тревожащих нас фактов, в их усыплении и удалении из головы»²². Это как вырвать зуб, чтобы избавиться от боли; глаза не видят, сердце не страдает. Во время эпидемии коронавируса что мы только не пробовали делать.

Если бы Иов жил в наши времена, его друг Софар, чтобы утешить его в перенесенных несчастьях, мог бы сказать: «В период изоляции нужно отвлечься. Нет лучшего обезболивающего, чем удовольствия!»

Но так ли это? Можно ли и правда преуспеть в попытке, которую Дель Ноче приписывает беззаботному нигилизму, то есть в подавлении сердечного беспокойства или, как говорит Морен, в устранении из наших мыслей надвигающегося ничто? Пусть каждый судит по собственному опыту. Разрешаем ли мы проблему, просто отворачиваясь от нее?

Находятся те, кому, подобно журналистке Андреа Момоито, хватает искренности, чтобы признать непрактичность такого пути: «Выдался тяжелый день? Не переживай, я отправлю тебе одну из тех глупых фраз, которые мы продолжаем пересылать в вотсапе, хотя мне они отнюдь не кажутся смешными и хотя я чувствую себя циничным человеком, пытающимся сорвать улыбку с лиц других, тогда как единственное, чего мне хочется, – это посмотреть „Центральную больницу“ (Hospital Central – испанский телесериал. – *Примеч. перев.*). Я записываю видео с моей коллегой Андреа Либой, думаю, какие дурацкие gif-картинки опубликовать в инстаграме, а потом падаю, поскольку ни во что не верю. Мне нужно знать, что мой мир здесь, но что он не такой. <...> Больше мне сказать нечего, кроме того, что я в отчаянии, что мне трудно понять все это веселье в воздухе, весь этот оптимизм, все эти просьбы о звонках в зуме, все эти сообщения, аплодисменты и прочий бред. <...> Мне остается только учиться жить со злобой, злобой, которая захватывает меня и в которой я не знаю, кого винить»²³.

Столь же искренне писательница Соль Агирре признается, что придумала рецепт, чья несостоятельность ясна и ей самой: «И вот я рассказываю глупости... чтобы увидеть, не вызовет ли ненароком какая-нибудь из них улыбку на сердитом лице. В очередной раз смех становится противоядием для слишком мрачной реальности. Смешки, часто воспринимаемые с таким презрением, – вот мое вечное лекарство»²⁴.

Правда в том, пишет Симона Вейль, что «никто... не довольствуется тем, чтобы просто жить... Мы хотим жить для чего-то»²⁵, хотим жить насыщенно.

«Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, то есть действовать против своего убеждения»²⁶. Если сердцем ошибиться нельзя, что это значит?

²¹ M. Houellebecq. *Cahier*. Milano: La nave di Teseo, 2019. P. 23.

²² E. Morin, *Insegnare a vivere. Manifesto per cambiare l'educazione*. Milano: Raffaello Cortina, 2015. P. 14.

²³ A. Momoito. *Público*. 10 de abril de 2020.

²⁴ S. Aguirre. *El Español*. 3 de abril de 2020.

²⁵ S. Weil. *L'amore di Dio*. Roma: Borla, 1979. P. 78.

²⁶ Ф. М. Достоевский. *Письмо А. Н. Майкову. 18 января 1856 г.* // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. С. 209.

3. Удивление

Будучи неспособными до конца исцелиться от недуга, то есть разрешить проблему небытия, разъедающего жизнь, мы можем перестать принимать его в расчет, удалить из поля зрения. Но, к нашему удивлению, боль остается. И еще как остается! Беспокойность сердца можно прикрыть, но не подавить; неудовлетворенность можно утаить, но не устранить. В нас есть что-то, что нельзя окончательно замолчать. Несмотря на притворство, попытки делать вид, будто все хорошо, и через силу идти вперед, мы печальны, и все кажется лавиной, которая придавливает нас. Какое уж тут «нет зуба, нет боли»! Боль остается. Почему? Потому что какая-то часть нас сопротивляется.

«Что-то не умирало во мне внутри, в глубине сердца и совести, не хотело умереть и сказывалось жгучей тоской»²⁷.

Откуда же в нас сопротивление? Об этом говорит Уэльбек в письме Бернару-Анри Леви, которое я неоднократно цитировал в последний год как раз потому, что, на мой взгляд, оно ярко свидетельствует об интересующей нас человеческой динамике: «Стыдно признаться, но мне все чаще хотелось, чтобы меня любили. <...> Однако по недолгом размышлении я всякий раз убеждался в нелепости этой мечты... И все же размышления ни к чему не вели, желание пересиливало, и, должен признаться, оно и сейчас пересиливает»²⁸.

И потому – я настаиваю – давайте не будем водить друг друга за нос и не позволим кому-то еще обманывать нас и утверждать, что для разрешения проблемы достаточно отвести взгляд в сторону. Нигилизм наталкивается на сопротивление прежде всего в нас самих. Отнесемся к этому с вниманием.

В связи с вызовом коронавируса Изабель Койшет вынуждена признать свое бессилие: «Всего того, что мы воспринимали как должное, больше нет. А открывающееся перед нами, – густой туман, лишенный света. Я понимаю, что не умею переживать этот час, эти минуты, тянущиеся вечно»²⁹. Испанский режиссер соглашается: ей не удастся смотреть в лицо происходящему с ней, как и с нами, и от этого ей плохо, и минуты превращаются в кошмар, которому, кажется, нет конца.

Соль Агирре, со своей стороны, описывает опыт изоляции: «В течение первой недели после введения ограничений я боялась. Не только коронавируса, но и того, что в мою дверь может постучаться печаль. Я говорю про невыносимую и затяжную печаль, омрачающую взгляд и жизнь. Я никому в этом не признавалась, так как знаю, что бы мне сказали: будь счастлива, строй планы, найди решение»³⁰.

Что становится очевидным в подобных реакциях, в подобных чистосердечных и откровенных исповедях? Постоянство изначального человеческого стержня – желания. Поразительно замечать это в таком человеке, как Уэльбек, чье письмо – тому подтверждение. «Изначальная позиция, заложенная в человеке с сотворения, – пишет Джуссани, – это порыв, имеющий четкое направление и цель, устремленный, иными словами, к самой тайне, которая его и вызывает, к бесконечности Бога; *fecisti nos ad Te, Domine, et irrequietum est cor nostrum donec requiescat in Te* [Ты создал нас для Себя, Господи, и не знает покоя сердце наше, доколе не упокоится в Тебе] (св. Августин)»³¹. Вот подлинное устройство человека, заявляющее о себе со всей своей непоколебимостью в самой сердцевине нигилизма, ставшего сегодня культурной привычкой и социальным феноменом.

Каково же тогда первое движение того, кто не хочет жить, убегая от проблем, которые он не знает, как решать? Признавать – именно в настоящем контексте, обусловленном отсутствием смысла – существование чего-то неумалимого, сопротивляющегося нигилизму

²⁷ Ф. М. Достоевский. *Записки из подполья*. С. 185.

²⁸ Ср. М. Уэльбек. Письмо от 2 февраля 2008 г. // *Враги общества*. М.: Азбука, 2011.

²⁹ I. Coixet. *ABC*. 31 de marzo de 2020.

³⁰ S. Aguirre. *El Español*. 10 de abril de 2020.

³¹ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 198.

и любому рационалистскому цинизму, о чем символично свидетельствует Уэльбек. Что в нас сопротивляется? Наше «я», не поддающееся редукции.

Если я внимателен, то должен признать стойкость исходной структуры моего «я», меня, претерпевающего отсутствие смысла, погруженного в него, ибо оно давно уже стало «средой», «культурой». Чем шире распространяется небытие, тем яснее обнаруживаются во всей их глубине раны и ожидания нашей человечности, больше не прикрытые культурной диалектикой и коллективными проектами, которые уже не цепляют нас. Эти ожидания и раны выявляются в их первоначальном виде, не облеченные в броню многочисленных слов.

«Что-то не умирало во мне внутри», – говорил Достоевский. А Честертон замечал: «Если вы на самом деле потерпели крушение, вы всегда найдете, что вам нужно!»³²

Со вспышкой коронавируса мы увидели удивительные тому примеры. Выйдя из оцепенения, мы заметили, как у нас возникли вопросы. «Мы пребывали в эпохе, – утверждает Маурицио Маджани в интервью журналу «Трассе», – которая, казалось, тогда и закончилась. В ней уже ничего не могло случиться, у всего имелась своя неприступная логика. Систему нельзя было подорвать. Мы жили, словно говоря: чего большего тебе надо? Чего лучшего тебе хочется? Да и где большее? Где лучшее? Это был конец истории. <...> Бесконечная степь, равнина. Однако подземный толчок избороздил эту недвижную ширь, превратив ее в волнующий пейзаж». Каков первый результат описанного землетрясения? Вопросы. «Нужно, чтобы каждый задался вопросами, потому что они переносят нас в менее тесное пространство, высвобождают из-за тюремной решетки, за которую мы себя поместили. <...> В сумятице, в нашем хаосе мы можем добраться до разумности, до взрослого состояния. Как? Спрашивая. Задавая вопросы». Перед лицом вопросов утихает «все нахальство, все высокомерие»³³, так часто нам сопутствующие.

Нам был брошен головокружительный вызов, и вопросы пробили брешь в стене нашей зоны комфорта, в которой мы искали убежища. Пузырь лопнул: «Слишком долго мы жили под анестезией, – говорит писательница Нурия Лабари, – будучи частью системы, чьи основания очень уж часто оказывались неверными»³⁴. Мы пережили опыт, описанный отцом Джуссани в десятой главе «Религиозного чувства»: «В человеке, который редко сталкивался с реальностью, например потому, что ему мало приходилось трудиться, скудным окажется ощущение собственного сознания, он в меньшей степени будет воспринимать силу и трепет своего разума»³⁵.

Есть моменты, когда реальность сотрясает нас настолько сильно, что крайне сложно смягчить удар, уклониться от вызова или проигнорировать его. Произошедшее пробудило в нас (при участии нашей свободы) внимание, вновь привело в движение разум, высвободив вопросы о смысле, в которых выражается его природа. Я имею в виду образующую нас неотложную потребность в смысле, которую столкновение с реальностью, как она есть, принятое нами, выявило внушительным образом. Именно поэтому мы говорили о «пробуждении человечности»³⁶.

Чем дальше распространяется нигилизм, тем очевиднее невозможность жить без смысла, тем ощутимее нерушимое желание быть нужными, быть любимыми.

Именно это происходит с блудным сыном, о котором рассказывает Евангелие³⁷: чем ниже он опускается, тем на удивление отчетливой проявляется в нем тоска по отцу. Но даже и те, кто думает, будто у них нет отца, кто узнает себя в позиции, описанной Уэльбеком, – даже и они замечают, что желание быть любимыми остается непреклонным.

³² Г. К. Честертон. *Жив-человек*. Ч. 1. Гл. 3.

³³ М. Maggiani. *Il cambio della vita*. / A cura di Alessandra Stoppa // *Tracce – Litterae communionis*. Maggio. 2020. P. 15–16.

³⁴ N. Labari. *El País*. 18 de marzo de 2020.

³⁵ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 117.

³⁶ См. Х. Каррон. *Пробуждение человечности*. Milano: Bur, 2020. E-book.

³⁷ *Лк.* 15:11–32.

«Наше время недоверчиво к словам и избегает догм. И все же ему известно, что значит желание. Оно желает смутно, само не зная чего, зная только, что внутри него есть пустота, которую надо заполнить»³⁸. Это желание не сходит на нет, не угасает. Поэтому, по словам Чехова, чтобы разобраться, что за человек перед тобой, нужно смотреть на его желание: «Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь или себя, то я принимал во внимание не поступки в которых все условно, а желания [мы же делаем наоборот: охваченные моралистическим остервенением по отношению к самим себе, с легкостью фиксируем взгляд на наших ошибках, чтобы потом «истязать» себя]. Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты». Иисус действует именно так. На что Он смотрит в самарянке? На ее жажду, на ее желание. Он обращается к жажде той женщины: «У Меня есть вода, новая вода, иная, единственная способная утолить твою жажду»³⁹. В этом смысле Чехов и заявляет: «Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты»⁴⁰.

Все наше «я» – в нашем желании, все сводится к тому, чего мы по-настоящему и глубоко хотим. А чего сейчас хочешь ты, чего желаешь? «Думаю, мое постоянное напоминание о желании, проистекающее из опыта моей жизни... делает более привлекательным [более интересным] то, о чем я говорю, ведь [желание] – это так очевидно по-человечески, но притом его меньше всего признают»⁴¹. Многим хотелось бы подавить его, как мы сказали выше, отвернуться, пограть его.

Как жить в такой ситуации? От чего оттолкнуться, чтобы вновь завоевать жизнь, которую мы рискуем потерять? Этот вопрос выражает неотложную потребность экзистенциального характера, он подобен жалу в плоти. Желание не поддается редукциям, оно сопротивляется, несмотря на распространяющееся ничто, и делает жизнь драматичной, заставляя вопрос гореть еще сильнее. И потому перед нами альтернатива: сдаться, отвернуться, притвориться, будто ничего не происходит, обманывая самих себя, или позволить, чтобы все наше желание вылилось в крик, идти за насущной потребностью сердца, которую никто не в состоянии угасить. Мы можем признать реальное положение дел, начиная с наших собственных затруднений, и кричать.

Но разумно ли кричать, если в конечном итоге ничего нет? Порой мы впадаем в уныние, крик утомляет нас. В другие моменты верх берет сомнение: стоит ли вообще кричать? Причина такого уныния, таких сомнений в том, что мы считаем очевидным существование крика в сердце, желания, противостоящего любому нигилизму. Однако существование крика, вопроса, желания совершенно неочевидно. И поэтому, стоит о нем задуматься, оно нас изумляет. А что подразумевает существование крика?

Если есть крик, есть и ответ. Иногда нам сложно понять такого рода утверждения. Причина уже была обозначена: мы воспринимаем крик как нечто самоочевидное. Используя разум в полной мере, оставаясь верным тому, что проявляется в опыте, Джуссани формулирует неизменный закон: «Утверждение о существовании ответа... содержится уже в вопросе как таковом»⁴². При всей его таинственности ответ существует. Он подразумевается вопросом (в процитированном интервью Маурицио Маджани замечает, что ответ «уже заключен в вопросе»⁴³). И действительно, настаивает Джуссани, человек «подавляет вопрос, если не допускает существование ответа»⁴⁴. Вопрос о смысле, любви, свершении неявно утверждает полноту, «конечный ответ, лежащий за пределами опытно познаваемых аспектов

³⁸ E. Varden. *La solitudine spezzata. Sulla memoria cristiana*. Magnano (Bi): Edizioni Qiqajon – Comunità di Bose, 2019. P. 143.

³⁹ Ср. *Ин* 4:4–42.

⁴⁰ А. П. Чехов. *Скучная история* // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1977. С. 306–307.

⁴¹ Fraternità di Comunione e Liberazione (FCL). *Documentazione audiovisiva*. Giornata di meditazione per gli sposati. Milano, 23 gennaio 1977.

⁴² Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 66.

⁴³ М. Maggiani. *Il cambio della vita*. P. 15.

⁴⁴ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 65.

бытия», но существующий. Почему я знаю, что он существует? Потому что – повторяю – его существование заложено в саму динамику моей личности, в свойственную моей человечности структуру потребностей. «Если отбросить предположение о *запредельном*, потребности эти окажутся противоестественным образом подавлены»⁴⁵.

4. «Ты», внимающее крику

Вопрос об исчерпывающем смысле, о всеобъемлющей любви и полном свершении является образующим для нашего разума, он высшее его выражение. Сам факт постановки вопроса «вынуждает» нас утверждать существование ответа, пусть он и лежит за горизонтом того, что вписывается в нашу меру⁴⁶. А иначе не было бы и крика и необъяснимым бы оказалось наличие вопроса. Когда мы упраздняем категорию возможного, из которой, собственно, соткан разум, когда, испытывая трудности с утверждением ответа, мы говорим: «Он невозможен», – мы отрицаем разум в его сути, угнетаем его жизненную динамику. Если бы я заблудился в лесу, крик о помощи был бы самым разумным действием. Но крик подразумевает возможное существование кого-то, кто меня услышит. Сколь бы далеко ни находился другой человек, я никогда не в состоянии *полностью* вычеркнуть возможность, что он меня услышит. В противном случае кричать было бы нелепо. Поэтому в тот момент, когда из-за встающих передо мной трудностей я отрицаю возможность, что кто-то меня услышит, я подавляю в себе крик, а мой разум помрачается. Именно такая «иррациональность» («отчаяние»⁴⁷) – сильное искушение для современного человека (то есть для каждого из нас). Встречаясь на своем пути с препятствиями, он говорит: «Это невозможно», – и, отрицая возможный ответ, ощущает, как вопрос ослабевает, как помрачается разум, как чахнет желание. Когда же вопрос пробуждается вновь? Когда мы оказываемся перед присутствием, которое отвечает, которое соразмерно нашему вопросу о полноте. И потому нетрудно представить, каким сильным, каким неудержимым был крик слепого Вартимея, узнавшего, что к нему приближается Тот, о Ком говорили, что Он отвечает на глубинный вопрос человеческой жизни.

«Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать [кричать можно только перед кем-то; мимо Вартимея проходили толпы людей, но лишь услышав о том Человеке с конкретным именем, он начал кричать]: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. [Кричишь не перед кем угодно, а перед тем, у кого есть конкретное имя.] Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня?»⁴⁸

С того времени, с тех пор как Иисус вторгся в историю, на горизонте человеческой жизни появилось Присутствие, к которому можно обращаться с криком, Тот, Кто, слыша крик каждого из нас, спрашивает: «Чего ты хочешь от Меня?» Есть Тот, Кто внимает нашему крику, Присутствие, которое никто не в силах устранить, ибо оно есть Факт, произошедший и происходящий, современный, пребывающий в истории. Всем дана возможность встретиться с Ним. В какой угодно ситуации, даже когда мы ощущаем себя черствыми и усталыми, чувствуем, что ничто нас не приводит в волнение, что небытие осаждает нас, никто, вне

⁴⁵ Ср. Там же. С. 134.

⁴⁶ Джуссани пишет: «Высшее достижение разума – осознание, что существует нечто неведомое, недоступное, к чему направлено все движение человека, ибо от него он зависит. Это представление о *тайне*» (Ср. *Религиозное чувство*. С.136).

⁴⁷ См. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 84–86.

⁴⁸ Мк. 10:46–51.

зависимости от занимаемой позиции, не в состоянии избежать вопроса Христа, достигающего нас, вновь звучащего, вновь гремящего, обращенного к каждому лично: «Чего ты хочешь от Меня?» И никто не мешает нам ответить, подобно слепому Вартимею: «Учитель! чтобы мне прозреть»⁴⁹, чтобы я мог «видеть», то есть на опыте переживать Твою притягательность, вырывающую меня из небытия.

Почему мы вместе? Потому что и мы, как Вартимей, заметили Присутствие, способное внять крику нашей человечности; пробуждающее в нас глубокую, непоколебимую любовь к самим себе, ни в каком другом случае непредставимую нежность к самим себе; поддерживающее нас на пути, чтобы мы не скатились в пустоту. Мы вместе, чтобы кричать, подобно евангельскому слепому. Только благодаря тому, что есть это Присутствие, мы и можем жить в полной мере, когда отводим ему пространство в нас и среди нас.

Есть слово, обозначающее такое предоставление пространства Присутствию. Какое? Молчание. «Молчание... не пустота, молчание – молитва, сознание, что предстоишь пред Богом... просьба»⁵⁰. Мы тратим чересчур много времени на разговоры о вещах, ничего не значащих, никак не помогающих жить. Слыша всех тех, кто подсказывает нам самыми разнообразными способами, какими подпитывается рассеянность: «Не кричи, не кричи, не кричи!» – мы можем поступать, как Вартимей, закричавший еще громче: «Иисусе, помилуй меня!» Если в нас есть хоть капля любви к самим себе, этот крик наполняет наше молчание. В неизбежной драме жизни мы можем не вычеркивать нашу уязвимость, наше бессилие и не падать под их тяжестью, поскольку есть Присутствие, обнимающее нас, обнимающее всю нашу сбитую с толку и беспокойную человечность; Присутствие, склоняющееся над нашими ранами и спрашивающее нас: «Чего ты хочешь от Меня?»

⁴⁹ Мк. 10:51.

⁵⁰ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: Bur, 2018. P. 212–213.